

Павел Брычков

Истерия

житейская история военной поры

Дело “По обвинению Ильюхиной Александры Алексеевны в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. II УК РСФСР и 59-7 ч. II УК РСФСР” мало чем отличается внешне от других дел, рассмотренных в разные годы Омским областным судом по знаменитой 58-й статье и хранящихся ныне в Государственном архиве Омской области, но содержание его, на наш взгляд, заслуживает внимания. Не мудрствуя лукаво, перелистаем страницы этого дела (ф.1126, оп. 2, д. 2070).

Открывается оно постановлением о возбуждении дела уголовного преследования от 28 ноября 1941 года по заявлению Куниной Глафиры Яковлевны и Ицкович Галины Давыдовны. Причина возбуждения дела в том, что “Гр-ка Ильюхина, проживающая в г. Омске по ул. Лагерной, 34, систематически среди жильцов, проживающих в вышеуказанном доме, ведет антисоветские разговоры контрреволюционного характера” (л. 3).

А на следующей странице и само заявление, напечатанное на пишущей машинке, что для того времени явление редкое. Но когда в дальнейшем из протоколов допроса выясняется, что Кунина Г. Я. работала начальником АХО конторы Авиаглавснаба, а Ицкович Г. Д. там же старшим товароведом, все становится ясно.

“Омской области прокурору
от гр.гр. Куниной Г. Я. и Ицкович Г. Д.,
прож. по Лагерной ул. № 34
Заявление

Прибыли мы в г. Омск вместе с перебазированной по решению Правительства Воронежской конторы Авиаглавснаба Наркомата Авиации.

По ордеру Куйбышевского райсовета мы вселились в дом гр. Гонтова по Лагерной ул. № 34. Там же проживает гр-ка Ильюхина, какая по ордеру Куйбышевского райсовета должна быть переселена в д № 27 по Пушкинской улице. В связи с этим гражданка Ильюхина еженочно устраивает скандалы, терроризирует нашу семью, состоящую из 6 человек с малыми ребятами, при этом делает выпады антисемитского контрреволюционного характера. Так, например, она заявила, что евреи прячутся за “свою еврейскую власть”, что “война скоро кончится и всех жидов перебьют – так говорят все бойцы”, и она первая перестреляет всех, что Москва окружена и вашему “барству конец” и т.д

Кроме этого, она, работая на оборонном предприятии, разглашает производственные тайны. Так, она при всех кричит, что завод № 166 (ныне “Полет” – Л. Б.) никуда негодный, выпустил за месяц только один самолет-истребитель, рассказывала, какие она изготавливает детали. По ее словам, она уже имела один привод в милицию за выпытывание местонахождения оборонных заводов.

Все изложенные факты могут подтвердить гр-н Гонтов М. Е. и Сеница, живущие по ул. Лагерной № 34. Ввиду вышеизложенного просим привлечь указанную гражданку к ответственности с одновременным отселением в соответствии с выданным для этих целей ордера.

(подписи) Кунина, Ицкович

Вышеизложенное подтверждаем (подписи) М. Гонтова, Сеница

28.11.41 г.” (л. 4)

Далее следуют протоколы допросов участников конфликта и свидетелей. Следствие вел ст. следователь прокуратуры Швик.

В дополнение к изложенному в заявлении Кунина Г. Я. (1907 г. р.) указала, что гр. Ильюхина называет их “не только евреями, но и жидами, заявляя при этом, – я о

такую жидовню рук марать не стану, а вас стрелять надо!”. Кроме того, заявляла: “Вам, наркомам, нужно искать себе дворцы, а не жить в проходной комнате, наркомы должны оборонять Москву, а вы уехали в тыл, спрятались...” Глафира Яковлевна уточнила также, что о деталях, которые делают на заводе № 166, Ильюхина рассказывала дочери домохозяев – тринадцатилетней Елене Гонтовой (лл. 5-5 об.).

Ицкович Г. Д. (1916 г. р.) добавила, что на ее вопрос: “Так что, по вашему, война может кончиться в пользу Гитлера?” – Ильюхина ответила: “Вы, пожалуйста, Гитлера не пачкайте, это я про Советскую власть говорю...” Что таким ответом имела в виду Ильюхина, она, Ицкович, не знает (л. 10).

Сама же Ильюхина А. А. (1901 г. р.) показала, что на основании ордера № 836 вселена с 9-летним сыном в комнату по Лагерной № 34, позднее туда же вселили семью из 6 человек, а ей представитель райсовета предложил переселиться на ул. Пушкинскую. Но так как ордера выдано не было, и новые жильцы к заводу их отношения не имеют, она не переселилась. Жильцов не оскорбляла и антисоветской агитацией не занималась, “а наоборот, я слышу от жильцов, а также от домохозяина Гонтова всяческие оскорбления и угрозы в отношении того, что если я не освобожу квартиру, то меня уволят с завода или оденут рубаху и отправят в больницу” (лл. 6-6 об.). О какой рубахе речь, станет ясно ниже.

Допрошена и 13-летняя пионерка Гонтова Елена Минеевна (лл. 8-8 об.). Ей Ильюхина говорила: “Это все неправда, что пишут в газетах, вот когда я была под Ленинградом, то мы рыли противотанковые рвы, а Гитлер все перешагнул...” И еще: “Раз над Омском светят прожектора, это значит, под городом Омском уже фронт!”. Кроме того, Ильюхина называла их жидами, нанося всяческие оскорбления.

Мать, Гонтова Мэри Моисеевна (1906 г. р.), подтвердила показания дочери и то, что Ильюхина грозила их всех перестрелять (л. 9).

Соседка, Синица Феодосия Никифоровна (1884 г. р.), показала, что 27–28 ноября Гонтова позвала ее, чтобы она послушала, как Ильюхина ругает их и Советскую власть. Увидев ее, Ильюхина закричала: “Вы что, свидетеля позвали? Я все равно никого не боюсь, ваша власть жидовская, вы попрятались все, а я на трех фронтах была. И если вас Гитлер не успеет здесь перестрелять, то я сама вас перестреляю” (лл. 11-11 об.).

Неожиданным среди подобных протоколов смотрится протокол допроса Сипенковой Галины Николаевны (1915 г.р.), к конфликту отношения не имеющей, из которого узнаем, что сын, оказывается, не живет с Ильюхиной, а живет у Сипенковых, оформивших над ним опеку. Муж Сипенковой работал в Ленинграде на одном заводе с Моисеевым Николаем Григорьевичем, отцом Нинела (не сразу сообразишь, что имя сына от перевернутого “Ленин” – П. Б.), который сейчас на Ленинградском фронте. Сипенкова, в частности, показала: “Опеку над Нинелом нами оформлено лишь потому, что в г. Омске проживает Нинела мать – Ильюхина Александра Алексеевна, которая всячески старается учинять скандалы при посещении нашей квартиры”. При этом продуктовые карточки на Нинела оформили и опекуны, и Ильюхина (лл. 7-7 об.).

Запрошена характеристика с завода. “Ильюхина А. А. поступила на завод № 166 с 27 октября и послана в цех в качестве слесаря. Проработав три дня, была направлена в ОНиУ по причине, что она не имеет элементарных правил и навыков слесарного дела. После этого ее послали в другой цех, а потом в столовую. В столовой она со всеми ругается площадной бранью. Со мной – о просьбе дать ей комнату, где нет евреев, проявив в разговорах полнейший антисемитизм.

За короткий срок пребывания ее на заводе политическую характеристику дать не могу.

Председатель завкома завода № 166 Антонов 4.12.41 г.” (л. 14).

На основании этих материалов 9 декабря следователь Швик предъявляет Ильюхиной постановление о привлечении в качестве обвиняемой по ст. 58-10 ч. II.

Ильюхина отказывается подписывать постановление, как и в дальнейшем, все протоколы допросов. В этот же день производится очная ставка с домохозяйкой Гонтовой М. М. и соседкой Синицей Ф. Н. и обыск комнаты Ильюхиной.

На очной ставке Ильюхина отрицает антисоветскую агитацию и говорит, что Гонтова показывает на нее ложно, чтобы выселить из квартиры, а отчего показывает ложно Синица, она не знает. При обыске обнаружено 43 предмета, включая документы. Весь нехитрый скраб: платья, простыни, посуда, зонт, керосинка, ручные часы, 2 кг муки, ножницы, – оставлены на сохранение домохозяйке Гонтовой М. М. (л. 19).

Следователь Швик подготовил материалы для передачи в облсуд, но начальник следственного отдела А. Холева послала дело на доследование, поручив его ст. следователю Можальской, с указанием допросить председателя завкома о настроении и поведении Ильюхиной на заводе, попечителей ее ребенка, о причинах передачи им ребенка, а также предъявить наряду со статьей 58-10 обвинение по ст. 59-7 (л. 23).

Председатель завкома Антонов Д. И. показал, что сталкивался с Ильюхиной два раза. Первый раз она просила квартиру, где нет евреев. На его вопрос, почему она не хочет жить, где живет, Ильюхина заявила, что с ней живут бандиты, которые хотят на нее надеть усмирительную рубашку. “Второй случай был, кажется, 8 декабря. Ильюхина явилась ко мне в завком в истерике, заявляя, что ее убивают. Я спросил, кто и где. Мне Ильюхина сказала, в магазине № 58 – это при заводе. Я позвонил в магазин, откуда мне общественный контроль Алуев рассказал, что Ильюхина шла без очереди, ее не пустили. Она схватила гирию, поцарапала Алуева, о чем был составлен акт, и Ильюхина была уволена” (лл. 25-25 об.).

Из акта и показаний Алуева и предстают подробности инцидента в магазине. Ильюхина хотела купить без очереди муки. Когда ее не пустили, она плакала и кричала, что имеет право получать вне очереди, потому что она с фронта и имеет разрешение от Сталина. Кричала: “Все вы тут заодно гитлеровские омичи, жулики, гопники и еврейские шкурники”.

Эти слова позднее будут фигурировать в обвинительном приговоре суда, наряду с другими высказываниями. Допрошенный слесарь Пчеловодов сказал, что после перевода в столовую Ильюхиной казалось, что все там воруют, рабочие подтрунивали над ней, что она производит впечатление психически нездорового человека.

На повторном допросе Сипенкова Г. Н. поведала, что Нинелу Ильюхина является неродной матерью. Он от случайной связи Моисеева с женщиной, с которой у него нет ничего общего. Когда эвакуировались, у Моисеева умерла жена, и Сипенковы предложили взять Нинелу временно на воспитание. На первом допросе, как мы помним, она называла Ильюхину матерью, а не мачехой. Поведала Сипенкова также, что Нинел не хочет к ней идти, называет ее “Ильюшкой”, рассказывал, что Ильюхина помещалась несколько раз в сумасшедший дом. Однажды она сказала Нинелу, что работает на заводе, договорилась с директором, тот дает ей самолет, и они полетят на фронт к папе. При посещениях скандалит, ее мужу Сипенкову сказала: “Ты спрятался от фронта, а я от бомб катилась под откос” (лл. 30-30 об.). Производит впечатление психически ненормальной.

Следователь Можальская направляет Ильюхину из тюрьмы в психбольницу на психиатрическую экспертизу. Через неделю комиссия в составе главного врача Омпсихбольницы Казаковой-Малаховой, врачей Смирновой и Марковой представляет следствию “Акт судебно-психиатрической экспертизы” (л. 33), в заключении которого значится: “На основании изложенного полагаем, что у следственно заключенной Ильюхиной психоза нет – имеется истероидная психопатия с чертами легкой возбудимости, лживости, неуживчивости. Ильюхина отдавала отчет в своих действиях и поступках, а поэтому за совершенное

преступление нести ответственность может – вменяема”.

Наверно, это не просто, определить, когда человек отдает отчет в своих действиях, а когда нет. В деле подшит документ, что-то вроде медицинской карты, дающий право на пенсию, из которого следует, что еще в 1927 году психиатрической экспертизой у Ильюхиной определена истерия в тяжелой форме, она признана инвалидом II группы. Но затем, похоже, после многочисленных медицинских переосвидетельствований пенсия была отменена.

В Омском же акте после описания нервной системы и психики Ильюхиной есть любопытный пункт, во многом раскрывающий истоки этой истерии: “Из анамнестических сведений, полученных от испытуемой. Отец умер в 1918 г. от воспаления легких. Мать зарезало поездом в 1934 г. В детстве в школе не училась. С девяти лет жила в няньках (напомню, что Ильюхина с 1901 г.р.). В 1920 г. года полтора (так в тексте. – П. Б.) ухаживала за тифозными бойцами. С 1924 г. работала уборщицей. С 1936 г. – слесарь. Работу меняла часто, увольняли 3–4 раза как не справившуюся с работой. Первый раз выходила замуж в 1930 г., жили два года – разошлись. Второй раз в 1931 г., жили 6 месяцев – также разошлись. Имеет одного ребенка от второго брака. Ребенок жил с ней до семилетнего возраста. С 1938 г. живет с отцом. Говорит, что неоднократно подавала в суд на мужа, чтоб он отдал ребенка. Он же в день намеченного суда подговаривал милицию, “каждый раз отвозили в психбольницу” – помещали раз 9. В больнице ее обижали. Связывали и делали уколы. Все жильцы настроены против нее. Задевают, ругают ее и даже бьют. Ребенка отец и другие люди настроили против нее. Он ее сейчас боится, т. к. все ее считают психически больной”.

Затем было судебное заседание и приговор от 19 января 1942 г. (л. 57). Суд в составе председателя Шарковой, заседателей Мухина и Чапской, в присутствии прокурора Гольдберга, адвоката Турецкого и секретаря Мрачковской за контрреволюционную агитацию, направленную на разжигание национальной розни приговорил Ильюхину А. А. к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет.

Дальнейшая судьба Ильюхиной неизвестна. Стоит лишь добавить, что в соответствии с Законом РСФСР от 18 октября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” Ильюхина А. А. полностью реабилитирована. В заключении о реабилитации сказано, что “в приведенных свидетелями высказываниях отсутствуют квалифицирующие признаки, предусмотренные статьями 58-10 ч. II и 59-7 ч. II УК РСФСР”, а также, что суд не учел, что данные высказывания допускались во время ссор из-за жилья и что осужденная страдала истерией в тяжелой форме.

Справка о реабилитации № 13 от 12.08.1992 г.